

СМЕРТЬ ЧИТАТЕЛЯ –

это лишь версия или?..

Хороших новостей приходится ждать, плохие приходят сами. За последние четверть века в нашу культурную жизнь пришло немало бед, и одна из них – катастрофическое снижение числа читателей художественной литературы. Иосиф Бродский как-то сказал: «Есть преступления более тяжкие, чем сжигать книги. Одно из них – не читать их». А ведь книга – учитель учителей!

Почему читательское «поле», как шагреновая кожа, стремительно сокращается? Чем же вызван «массовый падёж» читателей? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Одни россияне больше времени стали тратить на то, чтобы заработать копейку и бороться за физическое выживание, так что им уже не до «высоких материй». Другие вместо чтения кинулись потреблять развлечения, которые предоставили им новые технологии. Третьих не устраивает низкое качество поэзии и прозы современных литераторов. А основная часть молодого поколения не получила должного воспитания и поэтому не усвоила простую истину: чтение художественной литературы является источником духовного, нравственного и интеллектуального обогащения.

Сделать из себя хорошего читателя не так-то просто. Но этот труд потом на протяжении всей жизни будет приносить много радости. По мнению Владимира Набокова, «хороший читатель – это тот, у которого развиты воображение, память, словарный запас и который наделён художественным чутьём». Без талантливого читателя художественная литература мертва. Об этом говорили многие писатели, например С.Я. Маршак: «Читатель – лицо незаменимое. Без него не только наши книги, но и все произведения Гомера, Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина – всего лишь

немая и мёртвая груда бумаги». И А.П. Чехов признавался: «Я знаю, трепетно люблю и ношу в себе своего читателя». Талантливый читатель, как и талантливый слушатель, – это награда, удача для любого творца, автора, это их союзник, единомышленник, сопереживатель.

Многие читатели ищут в современной художественной литературе не только эстетическое удовольствие, но и достойную идею, однако не находят её. В статье «Сапоги выше Пушкина» Сергей Морозов совершенно справедливо отмечает: «Большинство современных книг вообще сторонится всякой идейности, не содержит ничего, кроме словесной жижи».

Выступая на Всероссийской научно-практической конференции «Современный читатель: эволюция или мутация», Алексей Варламов сказал: «Общество можно разделить на три группы: тех, кто читал, читает и будет читать; тех, кто не читал и не будет, и середину, за которую и нужно бороться». И бороться должны все: и писатели, и школа, и библиотека, и родители... Но особая роль в этом, конечно же, принадлежит литературным журналам. Многие главные редакторы этих журналов, чтобы не уронить свою значимость в глазах общества, в один голос заявляют, что читателей у них множество, а мизерные тиражи литературных журналов объясняются тем, что подавляющее число читателей – это те, кто в Интернете знакомится с текстами, опубликованными в их изданиях. Мол, у читателя, как правило, только один выход: в Интернет.

Сомнительно, что так оно есть. Не потому ли подавляющее число литературных журналов не поставило счётчиков читателей? Да и не каждый просмотр влечёт за собой прочтение. Так что вряд ли можно вести речь о массовом интернет-читателе журналов. Эти печальные соображения подтверждаются и различными опросами читателей, и исследованиями по этой теме.

В последние четверть века в нашей стране идёт процесс агрессивно-го ниспровержения чтения с пьедестала социальных ценностей. С 2000 года в России закрыто около 13 тысяч библиотек. Правительство уверяет нас, что на их содержание нет денег. Ольга Еланцева в своей статье «Чтение в современной России» приводит соответствующую таблицу и констатирует: «Приведённые выше цифры красноречиво характеризуют ситуацию с чтением в России как стремительно ухудшающуюся... Абсолютное большинство российских семей сегодня не имеют домашних библиотек. Более половины россиян сегодня не покупают книг... Сегодня в России почти половина изданий имеют тираж 500 экземпляров. И это – для нашего огромного государства!»

Исследователи и аналитики пришли к заключению, что современные любители литературы в 90% случаев – люди, которые увлеклись чтением ещё до перестройки. И только 10% молодого населения страны посвящает себя чтению. А что будет, когда наше поколение уйдёт в мир иной? Ответ очевиден. Уже сегодня можно увидеть рядом с мусорными баками собрания сочинений наших и зарубежных классиков. Впрочем, большое общество возводит болезни в ранг достоинств. Владимир Бирашевич горько шутит: «Читающих всё меньше. Пора ввести звание заслуженный читатель и обращаться к нему не иначе как Ваше читательство».

По поводу «вымирания читателя» бьют тревогу и в Европе. Француженка Роже Шартье в статье «Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов» жалуется: «Смерть читателя

и исчезновение чтения мыслятся как неизбежное следствие “экранный цивилизации”. Возник экран нового типа: носитель текстов. Раньше книга, письменный текст, чтение противостояли экрану и изображению. Теперь у письменной культуры появился новый носитель, а у книги новая форма». Видимо, чтобы подбодрить «хронического» читателя, Роже Шартье эпиграфом к своей статье выбрала слова Хорхе Луиса Борхеса: «Говорят, что книга исчезает; я думаю, что это невозможно».

Эта же тема затрагивается и в статье Лидии Сычёвой «Слова и цифры». Безусловно, информация – одна из форм жизни. Казалось бы, Интернет и прочие цифровые технологии – прогресс! Но там, где прошла машина прогресса, остаётся колея сомнительных истин. Темп жизни увеличивается в разы, и, видимо, скоро начнётся экранизация афоризмов.

Если идёт «вымирание» читателя, то возникает закономерный вопрос: чем же конкретно «болен» читательский корпус? Мне представляется, что болезней тут множество, но пациента можно вылечить. За последние четверть века государство сделало всё возможное, чтобы читательский художественный вкус деформировался, – и это, к великому сожалению, произошло.

Растёт число тех читателей, кто не хочет встречаться с классиками, а выпитывает пустопорожние книжки, чтобы, как после употребления наркотика, забыться, отвлечься и расслабиться. Они становятся рабами подобного чтения, но не осознают этого. Рабство приобрело такие формы, что видны лишь очертания. Этим и объясняется, что лидером продаж в последние годы являются книги Д. Донцовой. Бывают, правда, всплески читательского интереса к классике после нашумевших экранизаций («Идиот», «Бесы», «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита»), но это всего лишь кратковременные импульсы.

Всё бы ничего, но на этом фоне рождается новая проблема: молодые да и зрелые писатели тоже хотят получить за свой труд больше денег и известности. И сворачивают на эту тропу, не желая быть похожими на героя такого анекдота: встречаются два писателя, первый, восторженно: «Ты знаешь, я недавно купил твою книгу, так талантливо, такой стиль, такой сюжет, поздравляю!» Второй, грустно: «А-а-а, так это ты купил...»

А тут ещё и некоторые литературные критики подливают масла в огонь. В своей статье «Массовый современный российский читатель» Дмитрий Морозов утверждает, что сегодня значительная часть читателей – это люди с избытком свободного времени, то есть «школьники, домохозяйки и неудачливый офисный планктон». И призывает писателей «не спорить с реалиями сегодняшнего дня», а, мол, «нужно цеплять их на крючок действия, заставлять проживать яркие эпизоды интересных событий, не имеющих ничего общего с их серой действительностью». Подобные советы дают определённый эффект: в продаже мы видим всё больше и больше книг, которые справедливо называют «макулатурой».

Но беда в том, что, читая их, человек не только не поднимается на новую ступень своего интеллектуального и духовного развития, а спускается на ступень ниже. И про таких читателей рождаются анекдоты, а устное народное творчество, как известно, очень точно и своевременно подмечает многие нюансы нашей жизни: «Ты “Войну и мир” за сколько бы прочитал?» – «Ну, баксов за сто...» И смешно, и грустно, не правда ли?

Многие редакторы и литературные критики, характеризуя отношение читателей к современной русской литературе, отмечают, что «её разлюбили», мол, в споре физиков и лириков «победили бухгалтеры».

«Кто виноват?» в незавидных читательских и писательских делах, мы вроде бы начинаем осознавать. И перед нами вплотную встаёт уже другой заезженный русский вопрос «Что делать?»

Сегодня наибольшей популярностью пользуется художественная литература, не требующая особых интеллектуальных способностей. Но нам надо переломить ситуацию и сделать так, чтобы модным было чтение произведений, которые заставляют думать и осмысливать действительность. И без помощи государства, в руках которого почти все СМИ и ежегодный бюджет, эту проблему решить невозможно.

Сегодня утрачивается чтение как сложнейшая мыслительная деятельность. И чтобы этого не происходило в дальнейшем, проблему необходимо решать со школьной скамьи. А для этого взять на вооружение всё лучшее, что было в советской школе, а не заниматься огульным охаиванием всего, что привнесли коммунисты в процесс воспитания и обучения.

Культура чтения – неотъемлемая часть общей культуры и образования. Только она может стать барьером от засилья всевозможных духовных наркотиков, внедряемых в Россию под предлогом демократизации.

Дверь в Завтра открывается Сегодня. И ключ от этой двери должен быть в наших руках. Иначе он попадёт в чужие.

СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ

в поэзии Михаила Анищенко

У любого поэта есть собратья по перу. Были они и у Михаила Анищенко. С кем-то он был близок, с кем-то далёк. А кого-то и в глаза не видел. Но все они «играли» на одном поле под названием «Русская литература». Остались немногочисленные фотографии, на которых Михаил Анищенко вместе со знакомыми поэтами. Остались и стихотворения, в которых он упоминает некоторых поэтов своей эпохи. По-разному складывались отношения с ними, а с кем-то из них и вовсе не было непосредственного общения. Интересно почитать эти стихи и поразмышлять над их содержанием.

Я И БРОДСКИЙ

Я был печальным и неброским,
Я ненавидел «прыг» да «скок»,
Не дай мне бог сравнений с Бродским,
Не дай-то бог, не дай-то бог!

Стихов его чудесный выдел
Я вряд ли жизнью оплачу.
Он видел то, что я не видел,
И то, что видеть не хочу.

Он, как туман, не верил точке
И потому болтливость длил,
И боль земную на цепочке
Гулять под вечер выводил.

Он верил образам и формам,
Особым потчевал питьём,
И пахли руки хлороформом,
Марихуаной, забытьём.

И понимал я злей и резче,
Что дым клубится без огня,
Что как-то надо побережся
От слёз троянского коня.

Почему же поэт не хочет, чтобы его сравнивали с Иосифом Бродским? И почему, хотя они никогда не встречались, в стихотворении сквозит неприязнь к другому поэту? Попробуем в этом разобраться.

Поэты – народ сверхчувствительный, они обделены «толстокожестью». Если что-то им не нравится в другом поэте, они воспринимают это болезненно и не скрывают своего отношения. Ещё Александр Блок в стихотворении «Поэты» намекал на подобное: «Там жили поэты, – и каждый встречал другого надменной улыбкой». И это происходило не потому, что каждый их них был «редиской». Просто почти любой поэт считает, что стихи нужно писать так, как это делает он; другие стили, символы и смыслы для него неприемлемы.

Михаил Анищенко признавал «чудесный выдел» стихотворений Иосифа Бродского и даже говорил, что ему вряд ли хватит всей жизни, чтобы достичь такого поэтического изящества. Бродский «видел то, что я не видел, и то, что видеть не хочу». Да, Михаил Анищенко не был ни в Европе, ни в Америке. Но и особого желания побывать там у него не возникало, – потому что он «как преступник к высшей мере» «приговорён» к России и всецело жил её бедами и печалью. Михаил Анищенко отмечал изящную форму стихов Бродского, но скептически относился к содержанию его поэзии («И потому болтливость длил»), да и «боль земная» была у собрата по перу настолько легковесная, что он её «гулять под вечер выводил».

В третьей строфе стихотворения отмечаются некоторые черты личности И. Бродского. В частности, он «особым потчевал питьём»; известно, что Иосиф любил виски «Бушмиллс» и русскую водку, настоящую на кинзе. Видимо, Бродский лечился от чего-то и использовал хлороформ. Бродский курил до пяти пачек сигарет в день (называл табак «моим Дантесом»), ну а табак с марихуаной, которая является лёгким наркотиком, во многих странах законодательно разрешён.

Главная причина неприязни раскрывается в последней строфе: «И понимал я злей и резче, что дым клубится без огня». Чем чаще поэт Анищенко знакомился с поэзией Бродского, тем в большей степени у него возникало неприятие этой поэзии. Всевозможные возгласы о гениальности Бродского – это всего лишь «дым», а огня поэзии там мало, скорее уголья. Да и Нобелевская премия по литературе дана Бродскому (как и Пастернаку, и Солженицыну) по политическим, а не иным мотивам. Михаил Анищенко рассматривал фигуру Иосифа Бродского как троянского коня, изготовленного для России Западом. В какой-то степени это было на самом деле так.

Гениальный поэт – это тот, чью поэзию знает народ. Тот, чьи строки цитируют в разговорах. Тот, чьи стихи положены на музыку, чьи песни поют или часто слушают. Ничего этого мы не наблюдаем, если говорить о поэзии И. Бродского.

Есть ещё одно стихотворение у Михаила Анищенко, где он упоминает другого собрата по перу.

БАРАБАНИЩИК

Царизм, инквизиция, пряник и кнут,
Всё горше в России и горше...
Но всё, что сегодня нещадно клянут,
Люблю я всё больше и больше.

Никто не сочтёт безымянных утрат...
Но, помня о русской Победе,
В последнем трамвае последний парад
По улице Сталина едет.

На грязной подножке стоит идиот,
Сияя зубами и славой;
А следом за ним барабанщик идёт,
Убитый потом Окуджавой.

Кого-то настораживает строка «На грязной подножке стоит идиот». Кто он такой – этот идиот? Мне представляется, что поэт вложил в этот образ понятие «сверхпорядочный человек». Да, тот самый образ, который создал Ф.М. Достоевский в романе «Идиот». И это утверждение косвенно подтверждается тем, что Михаил Анищенко часто берёт на вооружение в своей поэзии («Шинель», «Барыня» и др.) образы из нашей литературной классики. Кроме того, он всегда точен в использовании значения слов. И, наконец, в пользу такого прочтения говорят последние две строчки стихотворения: барабанщик – глашатай Победы. Но пройдёт время, и его «убьёт» Окуджава, который уже не поёт «и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Михаил Анищенко вставил в стихотворение фамилию именно этого поэта по двум причинам. В одной из своих песен Булат Окуджава «убивает» барабанщика. На дороге жизни обязательно встретишь политический туман. И Булат Окуджава заблудился в нём: подписал известное обращение некоторых литераторов под названием «Раздавите гадину!», которое было опубликовано после того, как Б. Ельцин 4 октября 1993 года расстрелял Дом Советов и разогнал Съезд народных депутатов России, являвшийся высшим органом государственной власти в соответствии с действующей тогда Конституцией.

Владимир Смык в своей статье «Прогулки без Пушкина, или Поэзия вседозволенности» отмечает: «...по мере того, как ослабевал идеологический пресс, в СССР зрела культура андеграунда... Она напроочь порывала с идеологией и эстетикой соцреализма и реализма в целом. После падения социализма андеграунд автоматически превратился в постмодерн, с характерным для него отказом от истины, подменой реальной картины жизни произвольными конструкциями, вольным или невольным пародированием духовно значимых символов».

Михаил Анищенко, обучаясь в Литературном институте, занимался в семинаре поэта Юрия Кузнецова, который во второй половине своей творческой жизни фактически становился символистом. Юрий Кузнецов, как и Иосиф Бродский, не стал народным поэтом. О его творчестве начали спорить лет пятьдесят назад, и этот спор продолжается и поныне. Одни называют Юрия Кузнецова гением, другие считают, что он нанёс существенный вред русской поэзии и завёл значительную часть поэтов в творческий тупик. Страшно далека его поэзия от народа, узок круг её читателей. Где-то в 2001–2002 году открываю я журнал «Кубань» и вижу во всю первую страницу портрет, а внизу написано: «Великий русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов». Удивился, – потому что звание «великий» присваивает Время, а не провинциальный литературный журнал.

Общаясь с Ю. Кузнецовым, Михаил Анищенко, разумеется, не мог не попасть под влияние этого талантливой и уже широко известного в то время поэта. Вот как он вспоминает об этом в стихотворении, написанном на смерть своего учителя:

В его душе летели птицы,
Планеты плавали в огне;
И проливались на страницы
Слова, неведомые мне.

И я его любое слово
Глотал, забыв и стыд, и срам,
И, как трамвай от Гумилёва,
Летел по призрачным мирам.

Анищенко уважал и ценил Юрия Кузнецова. И всё же влияние пост-модернизма не оказалось чрезмерным. Используемые поэтом символы большей частью понятны не только литературным критикам, но и читателям. Рассмотрим ещё одно стихотворение Михаила Анищенко, в котором он упоминает Юрия Кузнецова.

Время поста и пора разговенья.
Стол и тетрадка. Огарок свечи.
Бездна молчанья и пропасть забвенья –
Слева и справа – зияют в ночи.

Что происходит со мной? Непонятно.
Жизнь утекает, как капли с весла.
Доброе слово и кошке приятно,
Я же как кошка в когтях у орла.

Выше и выше взлетает несчастье,
Страшно когтями по тучам скрести.
То ли меня разорвёт он на части,
То ли над пропастью бросит: лети!

Что за беда? Не пойму и не знаю.
Знал Кузнецов, но сказать не посмел.
Русь подо мною. Лечу. Умираю.
Вот и сбывается всё, что хотел.

В первой строфе поэт констатирует тот факт, что он никому не нужен. Власть знать его не хочет, от таких её коробит; ей нужны представители лёгковесного шоу-бизнеса и примитивные скоморохи. (Когда Евгений Евтушенко позвонил руководителю департамента культуры Самарской области и спросил про Михаила Анищенко, то чиновница, помолчав, сказала, что она такого поэта не знает.) Друзья забыли о его существовании, литературные журналы его тексты игнорировали. И так проходили месяцы, годы и «жизнь утекает, как капли с весла». А Михаилу Анищенко хотелось, как и любому другому человеку, чтобы оценили его труд и сказали «доброе слово» о его литературном творчестве. А он писал не только стихи, но и прозу и пьесы.

Но вместо этого он «как кошка в когтях у орла». Орёл – это, конечно же, власть. Не зря на гербе у этой власти – двухголовый орёл. И этому орлу наплевать, что поэт живёт даже не в бедности, а в нищете.

Жизненные силы у поэта кончаются, здоровье подорвано. Он не знает, что делать, как жить дальше. По его мнению, Юрий Кузнецов многое знал, но не поделился ни с кем своими знаниями и, уходя из жизни, унёс эти знания с собой. Или оставил их в своих поэмах, которые толком пока не «прочитаны» его соотечественниками. В момент написания стихотворения поэту жить уже не хотелось: «Умираю. Вот и сбывается всё, что хотел». Он понимал, что трудно научиться жить, но ещё труднее – научиться умирать.

Однако неожиданно для всех, и для Михаила Анищенко тоже, его поэзию заметил и очень высоко оценил Евгений Евтушенко. И не только заметил, но и существенно помог в решении многих вопросов.

И в жизни Анищенко «звёздный час пришёл невольной»: начались его выступления в клубах, звонки из разных городов с просьбой приехать и провести поэтический вечер, поздравления, было издано несколько книг. Был даже переезд в подмосковную Истру. Впрочем, начать новую жизнь легко, трудно закончить старую. На новом месте поэт надолго не задержался. Он рассорился (скорее всего, из-за разногласий в оценке политических событий в стране) с Евгением Евтушенко и написал вот это стихотворение:

ЦАП-ЦАРАП

Звёздный час пришёл невольной,
Как ночной галеры раб.
Отчего же сердцу больно:
Цап-царап да цап-царап?

Молоко горчит, а пенка,
Словно сладкое желе.
Зря ты, Женя Евтушенко,
Помогал мне на земле.

Не осталось, Женя, веры,
Всё отбито на испод.
Не хочу бежать с галеры
В мир банановых господ.

Полно стыннуть на морозе!
Пусть живут подольше, брат,
И в стихах твоих, и в прозе:
Цап-царап да цап-царап.

Проводи меня, Евгений,
В нищету мою и грусть.
Пусть во мне вздыхает гений,
Я с ним дома разберусь.

Самое ценное, что у нас есть – это смысл жизни. Не захотел Михаил Анищенко жить в «мире банановых господ» и вернулся в село Шелехметь, в «нищету и грусть». Бедность не страшна тому, кто не стремится к богатству. Поэт понимал, что страдание приближает нас к истине. А стихотворением «Цап-царап» он как бы сказал «Спасибо!» Евгению Евтушенко за участие в своей судьбе.

И безвременье имеет своих героев. И один из них – выдающийся поэт Михаил Всеволодович Анищенко. У него была счастливая творческая жизнь. Но беда в другом: если у человека была счастливая жизнь, это ещё не означает, что и сам он был счастлив. Поэт заслужил бессмертие души, потому что бессмертие души – это духовные ценности, которые живут после смерти их автора. Настоящие поэты как звёзды: излучают свет и после смерти.